

«Я СЕБЯ НЕ ОТНОШУ К ХОРОШИМ ПАПАМ, В ЛУЧШЕМ СЛУЧАЕ, К НОРМАЛЬНЫМ»: КАК РОССИЙСКИЕ МУЖЧИНЫ КОНСТРУИРУЮТ ОБРАЗ «ХОРОШЕГО ОТЦА» ПОСЛЕ РАЗВОДА

*Екатерина Алексеевна Иванова**

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Иванова Е.А. (2017) «Я себя не отношу к хорошим папам, в лучшем случае, к нормальным»: как российские мужчины конструируют образ «хорошего отца» после развода. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 20(5): 132–150.

Аннотация: Статья основана на исследовании разведенных отцов в Санкт-Петербурге. В работе представлена рамка гендерной идеологии, которая задает контекст осуществления практик родительства, и несколько моделей отцовства, успешно существующих в постсоветской культуре, а также то, каким образом мужчины используют эти модели, чтобы конструировать образ «хорошего отца» после развода. Многие мужчины ориентируются на образ отца-морального наставника и (поло) ролевого примера для подражания. Этот идеал находит выражение в практиках «маскулинного» типа заботы. В случае развода, мужчины, придерживающиеся этой модели, становятся так называемыми «воскресными папами». Модель «вовлеченного отца» после развода становится для некоторых мужчин возможностью «реабилитировать» собственную маскулинность, уязвленную разводом и потерей властной позиции в семье. Мужчины, не стремящиеся вовлекаться в заботу о ребенке от предыдущего брака — «отсутствующие отцы», — находят ресурсы для конструирования образа себя как «хорошего отца» в реализации отцовства в новой семье.

Ключевые слова: развод, отцовство, маскулинность; divorce, fatherhood, masculinity

Введение

Данная статья представляет собой анализ результатов исследования разведенных отцов, которое было проведено в 2015-2016 годах. Фокусом исследования были практики материального содержания и нематериальной вовлеченности отцов в заботу о детях после развода.

В исследовании, наряду с другими темами для обсуждения, я просила информантов оценить свой опыт отцовства. Мне показалось интересным, что, независимо от реальных практик вовлеченности в заботу, подавляющее большинство оценивает себя как пусть не лучшего, но «нормального» отца. Более того, реальный вклад в заботу о ребенке оказался мало связанным с оценками выполнения отцовской роли: например, мужчина, которые виделся со своей дочерью раз в году, оценивал себя как хорошего отца, в то

* E-mail: eivanova@eu.spb.ru

время, как другие отцы, поровну разделяющие ответственность и заботу о ребенке со своей бывшей супругой, раз за разом высказывали сомнения в своей компетентности как родителя. Поэтому в данной работе я поставила задачу с одной стороны, рассмотреть, на какие модели отцовства ориентируются и реализуют разведенные отцы, и, с другой стороны, проанализировать, каким образом в рамках данных моделей мужчины конструируют образ «хорошего отца» после развода.

При исследовании отцовства необходимо определить, что именно оказывается в фокусе исследования: набор практик, осуществляемых мужчиной в повседневной жизни (*fathering*) или социальный институт, включающий в себя дискурсивные предписания о том, что значит быть отцом (*fatherhood*) (Чернова, 2012: 107). Этот институциональный уровень отцовства, включающий в себя нормы, ценности, социальные ожидания и требования, предъявляемые мужчине как родителю американский социолог Ла-Росса назвал культурой отцовства (LaRossa 1994). В этой работе меня будет интересовать именно институциональный уровень отцовства.

На представления об отцовстве во многом влияет сложившаяся в обществе гендерная идеология. Под гендерной идеологией я понимаю систему представлений о разделении оплачиваемого труда и семейных обязанностей, базирующуюся на идее о двух отдельных сферах жизни (Davis, Greenstein 2009). Гендерная идеология формируется по отношению к нескольким идеям, среди которых: вера в существование гендеризированных отдельных сфер жизни, признание первостепенной важности роли добытчика для мужчины, отношение к работающим женщинам, к материнству, феминизму и т.п. В данном исследовании меня будет интересовать то, как в гендерной идеологии — так, как ее воспроизводят информанты, — рассматриваются вопросы родительства и разделения ролей между отцом и матерью, как в полной семье, так и после развода.

В процессе исследования было проведено полуструктурированное интервью с 18 разведенными отцами. Возраст информантов варьировался от 31 до 46 лет. За исключением 2 человек из Москвы, все информанты проживали в Санкт-Петербурге. Большинство информантов имели высшее образование. Возраст детей различался от 2,5 года до 16 лет на момент развода/расставания. Нужно отметить, в данном исследовании юридический статус брака и развода не имел значения при поиске информантов — важнее было официально признанное отцовство, а значит, определенная законодательством обязанность выплачивать алименты (которые, согласно СК РФ, могут быть присуждены независимо от брачного статуса супругов). Поэтому среди информантов были мужчины, которые заключали брак в ЗАГСе и затем регистрировали развод, те, кто формально, «по паспорту», оставались женами, но расстались с супругой, а также те, кто жил в фактическом, незареги-

стрированном браке. Ключевым критерием поиска было субъективное понимание информантов его статуса как разведенного — юридически или фактически, — а также наличие общих детей с бывшей супругой.

Исследования культуры отцовства: многообразие способов быть «хорошим отцом»

Культура отцовства дает мужчинам ориентиры для оценки собственно опыта отцовства. Она выражается в образах «хорошего» и «плохого» отца, которые различаются в зависимости от исторического и социального контекста. Одной из наиболее известных попыток осмыслить происходящие изменения является типология моделей отцовства, в которой развитие отцовства на протяжении XX века представлено известным американским исследователем отцовства М. Лэмом в схеме линейного перехода от модели морального наставника, через модель отца-добытчика и полоролевою модель к типу «нового», «вовлеченного» отца (Lamb 2000).

М. Лэм выделяет четыре модели отцовства, последовательно сменяющих друг друга с течением времени. Наиболее ранний период преимущественно определялся моделью отца как морального наставника, когда хорошим отцом был тот мужчина, который представлял модель добродетельного христианина. В эпоху индустриализации на первый план выходит материальное обеспечение семьи: хорошими отцами считают тех, кто являются хорошим добытчиками для семьи. В начале 40-х годов появляется новая модель отцовства, воспетая во многих профессиональных и популярных книгах и журналах — отец как поло-ролевая модель поведения, особенно для сыновей. Теперь хороший отец должен подавать положительный пример выполнения своей гендерной роли и правильно влиять на гендерную социализацию детей. В середине 70-х общественность подняла на повестку дня вопрос о необходимости большего включения отцов в активное родительство: мерилom хорошего отцовства теперь стала выступать вовлеченность в заботу о детях (Lamb 2000: 25-27). Вовлеченное отцовство определяется М.Лэмом как совокупность нескольких факторов: межличностное взаимодействие отца и ребенка, физическая доступность отца для ребенка и принятие на себя ответственности за благополучие ребенка. (Lamb 2000: 31)

На практике эта идеализированная смена моделей вряд ли когда-либо существовала. Результаты исторических исследований указывают на то, что отцам XIX века не была чужда вовлеченность в повседневную заботу о детях (Wilson 1999). С другой стороны, социологические исследования современного отцовства зачастую приходят к скептическим выводам в отношении распространенности «вовлеченного» отцовства на практике. Исследования бюджетов времени, которые отцы проводят с детьми, показывают, что в период активного продвижения образа «нового», «вовлеченного» отца на

уровне практик не произошло существенного увеличения вовлеченности отцов в заботу о детях. (Craig 2006). Более того, основная часть совместных дел, которые осуществляют отцы и дети, происходит при посредничестве и в присутствии матери (Luccie 1995; Fagan and Bamett, 2003, Авдеева 2012), так же, как и полвека назад (Weiss, 1999). Хотя запрос на «вовлеченное» отцовство в обществе существует, он во многом исходит «сверху» — от политики, или формируется в СМИ (Wall, Arnold 2007).

Роль добытчика также не ушла в прошлое, а остается важным компонентом отцовской роли (Christiansen, Palkovitz 2001) и ключевым элементом образа «хорошего отца» (Braun, Vincent, Ball 2011). По мнению Николаса Таунсенда, который провел большое этнографическое исследование американских мужчин, отцовство, наряду с браком, работой и собственным домом составляет основу маскулинности — входит в «комплект» («package deal») настоящего мужчины (Townsend 2010).

Типология, воспроизводящая идею линейной смены моделей отцовства, не кажется актуальной для описания существующей культуры отцовства. Как отмечают некоторые исследователи, на данный момент не существует единой конвенциональной модели отцовства. «Хорошее отцовство» может конструироваться на разных основаниях: это и материальное содержание, и эмоциональная поддержка, и непосредственное взаимодействие с детьми и забота о ребенке (Williams 2008). Мужчины осведомлены о существовании разных моделей, реализация каждой из которой позволяет оценить себя как «хорошего» отца.

Культура отцовства в советской и постсоветской России имеет свою историю. Институт отцовства не играл большой роли в советском государстве, которое было заинтересовано в выгодном гендерном контракте с женщинами в деле рождения и воспитания новых членов социалистического общества (Чернова 2007). Мужчине была предписана единственная нормативная роль — роль работника на благо социалистического государства. Родительство, в таком случае, отвлекало мужчину от его настоящей работы (Kukhterin 2000: 80). Поэтому, несмотря на то, что на уровне практик советские отцы могли реализовывать повседневную заботу о детях, на институциональном уровне существовала единственная модель отцовства — отца, отчужденного от заботы и имеющего формальный статус добытчика семьи (Чернова 2007). Эта модель во многом является системой референции для современных отцов: выстраивая свою идентичность как родителя, многие критично настроенные мужчины стараются быть более вовлеченными, чем их собственные отцы (Lipasova 2016)

Институт отцовства в современной России демонстрирует схожие с западными странами тенденции развития. С одной стороны, наблюдается запрос на модель вовлеченного отцовства, которая «рекламируется»

в СМИ*; получают распространение практики «нового» отцовства — совместное участие в родах (Темкина, Ангелова 2009), организация групп подготовки к будущему отцовству, как, например, «Папа-школа» (Безрукова 2012). С другой стороны, мотивы участия мужчин в подобных практиках не всегда связаны именно с идеями гендерного партнерства: как показывают исследователи, для некоторых мужчин участие становится еще одной сферой контроля (Темкина, Ангелова 2009) или ресурсом для выстраивания гегемонной маскулинности (Безрукова 2012). Гендерная идеология остается во многом традиционной: мужчины ориентируются на модель отца-добытчика как на идеал хорошего отцовства (Безрукова 2007, Шпаковская, Чернова 2013).

Модели отцовства после развода

Когда статус отца перестает быть связанным со статусом супруга — что происходит в случае развода, — привычные модели и требования к вовлеченности и осуществлению материального содержания изменяются и еще сильнее проблематизируются. Так как для многих мужчин роль отца и мужа являются тесно связанными и входят в «комплект настоящего мужчины» (Townsend 2010, Bailey 2007), мы можем ожидать, что в случае развода, когда эти статусы больше не являются частью одного целого, отцы сталкиваются с большей ролевой неопределенностью и выбором того, как быть разведенным отцом. Мужчинам приходится по-новому конструировать себя как «хорошего отца» после развода, используя другие ресурсы и ориентируясь на другие модели.

Увеличение количества разводов в многих странах в конце XX века привело к появлению модели «отсутствующего» разведенного отца. Американский социолог Т. Аренделл, исследовав разведенных отцов в США в 90-х годах пришла к выводу, что во многом выбор этой модели связан с отсутствием четкого понимания того, что значит, быть разведенным отцом (Arendell, 1992). При определении того, что значит быть отцом после развода, мужчины сталкиваются с недостатком институциональной и социальной поддержки и отсутствием четких моделей отцовства вне рамок брака (Bailey, Zvonkovic 2003).

Для мужчин, которые хотят оставаться вовлеченными в заботу о своем ребенке после развода, типичной моделью отцовства после развода становится модель «воскресного папы» (weekend dads или disneyland dads в англо-

* Например, «Ни у одной профессии нет пола: мужчины-домохозяева — о своем выборе и стереотипах общества» URL: <http://paperpaper.ru/housemaker/> (Дата доступа 19.03.2017); «Отцов предложили отправлять в декретный отпуск» URL: <http://izvestia.ru/news/596678> (Дата доступа 19.03.2017)

язычной литературе). Для реализации данной модели большое значение имеют практики совместного активного времяпровождения за пределами дома (Jenkins, 2006, Stewart 1999).

В России, несмотря на то, что развод является типичным явлением — по статистике, на каждые два брака приходится один развод*, а в 90% случаев ребенок после развода остается жить с матерью (Ржаницына 2010), — в культуре отцовства, кажется, не существует модели «хорошего разведенного отца». Единственной определенной и понятной моделью является «отсутствующий отец». Так, Д. Утрата, исследуя разведенных отцов в России, показала, что вследствие отсутствия четких критериев оценки того, что значит быть «хорошим отцом» после развода, сравнение своего опыта родительства с моделью «отсутствующего отца», которая во многом сформировалась в советское время, позволяет мужчинам оценивать себя положительно, вне зависимости от того, насколько значительно их уровень вовлеченности отличается от полного отсутствия заботы (Utrata, 2008).

Российское отцовство: законодательный и идеологический контексты

Семейное законодательство РФ утверждает равенство прав и обязанностей родителей в отношении своих детей (Статья 61 СК РФ). Вопрос о том, с кем остается ребенок после развода и каков формат алиментных выплат родители вправе решать самостоятельно; обращение в суд следует, если родители не смогли прийти к консенсусу. Однако, в общей направленности политики государства можно отметить последовательное игнорирование отцовства как отдельного института: начиная с 38 статьи Конституции, утверждающей защиту материнства, детства и семьи, не выделяя отцовство как отдельную категорию, требующую правовой защиты, и продолжая примером такой существенной мерой поддержки семьи, как материнский (семейный) капитал, получателем которого законодательно назначается мать ребенка. Анализируя эту меру социальной политики, исследователи отмечают преемственность традиций советской политики с ее направленностью на работающих матерей (Temkina, Rotkirch 2007). Гендерная идеология советского и постсоветского периода рассматривает мать как основного родителя и наиболее важного для ребенка агента заботы (Здравомыслова, Темкина 2007; Чернова 2007)

В идеологическом отношении, как справедливо отметила российская исследовательница отцовства А. Липасова, современное российское общество характеризуется одновременно эгалитарными и традиционными тенденциями (Lipasova 2016: 203). С одной стороны, получают распространение практики отцовства, основанные на эгалитарных отношениях и вовлеченном

* Рассчитано по данным Росстата за 2015 год.

отцовстве. С другой стороны, наблюдается «консервативный поворот» в государственной идеологии, акцентирующий важность полноценной семьи, построенной по традиционным лекалам.

Далее здесь я представлю общую рамку гендерной идеологии такой, как ее воспроизводят информанты в своих интервью, и которая является отражением общего идеологического контекста современной России.

Развод как нормальный вариант жизненного сценария. В России развод сам по себе не является проблематизированным фактом биографии: по статистике, на каждые два брака приходится один развод*. Для информантов развод тоже оказался вписанным в нормальную жизненную траекторию. Более того, касательно «детского вопроса», развод воспринимался большинством мужчин, скорее, как морально одобряемое действие — как необходимое и желательное решение с точки зрения заботы о психологическом состоянии ребенка.

Мать как основной агент заботы о ребенке. Эта позиция принимается как само собой разумеющаяся большинством информантов. Вопрос о том, с кем останется ребенок после развода, почти не проблематизировался информантами: «я подозреваю, что мы оба рассматривали, были уверены в стандартном развитии событий. То, что ребенок остается с мамой, никто не обсуждал». (Анатолий, №5). Гендерезированное распределение ролей в семье, вероятно, также являлось дополнительным аргументом для этой позиции: выполнение роли кормильца (чаще всего, основного) оставляло мужчинам меньше времени для взаимодействия с детьми в период существования брака, поэтому естественный вариант решения вопроса о проживании ребенка был в пользу матери: «Потому что у ребенка, как правило, у детей — ну, говорим о нормальных детях, — с мамой у детей более тесная эмоциональная связь. И все-таки, в силу того, что так сложилось, в большинстве случаев, мне известных случаев, добытчиком в семьях является папа.» (Петр, №2)

Приоритет материнской позиции в вопросах родительства после развода. Поддержка статуса матери как первостепенного родителя в российском обществе, вероятно, являлась одной из причин формирования дискурса о «бесправности» (термин информанта) разведенных отцов. Информанты были уверены в том, что не существует правовой возможности отстоять свои интересы как родителя: несмотря на нейтральность закона, правоприменение было на стороне матери. При этом, несмотря на распространенность дискурса, только несколько информантов — и знакомых моих информантов, — сталкивались с действием судебной системы на практике. Только один из информантов действительно пытался решить спор в судебном

* Рассчитано по данным Росстата за 2015 год

порядке — и выиграл дело. Тем не менее, представления о бесправности отцов остаются распространёнными:

«Перекося общества, то, что по закону, когда разводятся супруги с детьми, закон имеет абсолютный перекося в сторону матери. Даже если ребенок уже взрослый, говорит, что он хочет остаться с отцом, его все равно оставляют с матерью. Если только мать не наркоманка, социально не опасна и так далее. Судебные прецеденты, 96%, короче, в сторону мамаш, при любых раскладах»(Игорь №18)

Отцы, особенно стремящиеся быть вовлеченным в заботу о ребенке не меньше, чем бывшая супруга, остро ощущали недостаток институциональной и дискурсивной поддержки — чувство бесправности и второстепенности статуса отца по сравнению со статусом матери открыто выражали несколько мужчин:

«Еще вот от Светы такая фраза была: мне не нужно зарабатывать любовь дочери. Я мама. А вот ты должен попотеть, ты папа. Ну, так по природе, наверное, и есть. Мать все-таки приоритетнее, согласен. Мама, матери, действительно ничего не надо делать. А отец должен над этим работать»(Фёдор, №9)

Существование нескольких легитимных моделей отцовства. Информанты осведомлены о существовании различных легитимных моделей отцовства: как тех, требования к участию в заботе в которых сведены к материальному содержанию, так и тех, в которых ожидается активное вовлечение отца в заботу о ребенке: *«Ну, просто, конечно, есть какие-то минимальные критерии, которые кажутся нормальными. Забота, уход, воспитание. Привить там, какие-то навыки, развить какие-то качества. С одной стороны. С другой стороны, кто-то считает, что я зарабатываю деньги — ну и все, хоть трава не расти!» (Пётр, №2)*

Низкий уровень нормативного вовлечения отцов в заботу о детях после развода: мужчины зачастую оценивали себя как «нормальных» отцов: они допускали, что недостаточно включены, по сравнению с «идеальным» разведенным отцом, но в то же время апеллировали к примерам, в которых отец вообще не участвовал в заботе о ребенке, таким образом, оценивая себя выше, чем этот «отсутствующий» отец:

«Я исхожу из того, что лучше такой отец, чем никакого. Ну, то есть, вот, исходя из такой реальности. То есть, я понимаю, что, может быть... ну, я далеко не такой отец, каким мог бы быть отец идеальный. Я достаточно далек от этого идеала. Но лучше, когда я есть такой, какой я есть, чем вообще никакого. Чем я просто забыл, бросил, отвернулся и исчез. Это был бы худший вариант» (Алексей, №1)

В целом, мужчины понимают, что в конечном итоге, выбор модели отцовства после развода — это их личное решение, так общество не требует

от разведенных мужчин значительного вовлечения, ожидая хотя бы минимальное участие в заботе о ребенке после развода: *«От желания, мне кажется (зависит общение с ребенком) Потому что жил я очень спокойно и счастливо, и ни от кого не зависел. Когда я уехал, и дети остались с мамой. Никто меня не донимал и не требовал от меня каких-то огромных вложений. Нет, я жил себе и жил спокойно. Но мне казалось, что это не очень правильно. И жизнь моя была абсолютно прекрасна в тот момент, но мне казалось, что чего-то как-то...вопрос совести, мне кажется. Тогда совесть у меня была неспокойна. Теперь совесть спокойна, теперь я перестал есть и спать, занимаюсь с ними уроками, зато совесть спокойна»* (№11, Олег, забрал детей жить к себе спустя некоторое время после развода)

Представленная гендерная идеология дает мужчинам возможность реализовывать несколько моделей отцовства после развода, а также предлагает разные ресурсы для конструирования образа «хорошего отца».

Модели отцовства после развода: результаты исследования

Степень вовлеченности отцов в заботу о детях после развода была разной. Я выделила три модели отцовства после развода, основываясь на критериях, предложенных М. Лэмом. С одной стороны, мне встретились мужчины, сознательно стремившиеся к реализации **модели «вовлеченного отца»**. Они проводили много времени со своими детьми, по возможности устанавливая условия равного проживания детей с ними и бывшими супругами; были доступны для детей — те всегда могли позвонить, попросить приехать, прийти в гости, остаться ночевать; принимали важные решения касательно детей наравне с супругой.

С другой стороны, на интервью приходили и мужчины, которые реализовывали модель **«отсутствующего отца»**: их контакты с ребенком либо полностью прекращались после развода, либо ограничивались несколькими встречами в год.

Впрочем, большинство информантов занимало промежуточную позицию **«воскресного папы»**: они исправно виделись с детьми несколько раз в неделю, но были мало вовлечены в повседневные заботы, предпочитая проводить с ними время на прогулках и в развлекательных центрах; очень редко брали детей к себе с ночевкой.

Практически все информанты определяли себя как «хороших», или, хотя бы «нормальных» отцов (за исключением нескольких мужчин, которые в силу разных обстоятельств не смогли реализовывать ту модель, которую хотели бы). При этом, разные модели отцовства предоставляли мужчинам различные идеалы «хорошего отца», которые информанты использовали для конструирования собственного положительного образа как родителя.

«Хороший отец» и «маскулинный» тип заботы

Так как основной темой исследования были практики алиментных выплат, разговор во многом строился вокруг материального обеспечения детей после развода. Однако, рассуждая о том, что значит быть хорошим отцом, информанты редко упоминали материальное обеспечение ребенка. Можно предположить, что материальное содержание остается фоновым, но необходимым условием для реализации других практик вовлеченности, но не первостепенным критерием для оценки себя как «хорошего отца»:

« — А материальное обеспечение — обязательное условие?

— не то, что обязательное...без этого никак. То есть, ребенок должен быть всегда одет и накормлен. (...) Конечно, финансовая составляющая должна быть, но мы объясняем все равно, что это не самое главное. Конечно, какие-то карманные деньги должны быть. Да, финансово, но не в приоритете все равно» (Федор, №9)

Во многом именно степень и форма участия в нематериальных практиках вовлеченности становится важным критерием успешного выполнения мужчиной роли хорошего отца. Однако, что мужчины подразумевают под нематериальным вкладом отца в воспитание и заботу о ребенке? Как показало исследование, роль «хорошего отца» для большинства информантов сводился к следующему:

отец как авторитет, моральный наставник, воспитатель и учитель, транслятор жизненного опыта: « И вызвать не любовь — а уважение ребенка. То есть, быть, значит, в авторитете, да, то есть, чтобы ребенок прислушивался к словам, чтобы не наплевательски относился. Ну, это, наверное, какие-то такие общие житейские истины. Это не касается конкретно жизни в разводе»(Анатолий, №5)

а также (поло)ролевая модель:

«Мне кажется, что здесь вопрос в поле ребенка. В моей ситуации это сложно. Потому что нужно не только их прокормить и сделать уроки, нужно еще и как-то стараться быть примером, потому что они — мальчики. Поэтому есть какая-то особая ответственность. Мне кажется, если бы были бы девочки, было бы проще. Потому что там достаточно просто... там не нужно быть примером. А здесь нужно еще постоянно держать себя в руках, а это не просто» (Олег, №11)

Я нахожу, что одна особенность такого представления о роли отца во многом определяет формы вовлеченности большинства отцов в заботу о ребенке после развода. Это отсутствие в образе «хорошего отца» включенности в повседневную рутинную заботу. Независимо от брачного статуса, мужская вовлеченность в заботу о детях характеризуется акцентом на активном времяпровождении, зачастую в публичном пространстве, нежели

на реализации рутинных телесных практик ухода за ребенком — тип заботы, который исследователи охарактеризовали как «маскулинный» (Brandth, Kvande, 1998):

«Общество ждет отца, который включен в вознение — от слова возить — в вознение с детьми. Не то, что я принес и бросил пачку месячную денег — и все, я лег на диван. Это... вот я вижу хороший отклик именно когда я вожусь с детьми, «папа-супер», вот, вот это. Вот это супер. И те, у кого этого нет — о, здорово, ты с детьми этого. Поэтому я считаю, что ждут именно вот этого» (Дмитрий, №8)

Такие представления о роли «хорошего отца» чаще других разделяли мужчины, на практике реализующие модель «воскресного папы». Отцы, которые выбрали эту модель, могут быть недовольны режимом встреч или форматом переговоров с бывшей супругой, но они не ставят под вопрос гендеризированное разделение ролей между отцом и матерью после развода: оставляя основное бремя повседневной рутинной заботы матери, отцы встречаются с детьми несколько раз в неделю. Нельзя сказать, что эта модель специфична для отцов после развода: мужчины успешно реализуют ее и в семье (Lipsova 2016).

Вовлеченное отцовство: забота «по-настоящему» или ресурс для конструирования маскулинности?

Среди информантов были отцы, которые стремились быть вовлеченными в заботу о ребенке после развода наравне (а иногда и в большей степени) с супругой. Они продолжали отмечать, что быть ролевым примером — это важная функция отца, но также подчеркивали не меньшую значимость повседневного рутинного вовлечения в заботу о ребенке:

«(Что ждут от хорошего отца?) Это сложный достаточно вопрос... сложный, но ответ простой: то же самое, что и мама» (Федор №9)

Эти мужчины стараются проводить как можно больше времени с детьми, они готовы жить вместе с детьми после развода. Эти отцы оказываются компетентными в повседневной заботе: они готовят еду, заплетают косы дочерям, знают их размер одежды и имена школьных учителей.

Однако, здесь необходимо отметить различие между отцами, которые реализуют повседневную заботу на практике и теми, кто активно конструируют свою идентичность как «вовлеченного отца», не только и не сколько действительно участвуя в заботе, но в большей степени постулируя и акцентируя внимание на своем участии.

В первом случае, разведенные отцы часто говорят о хорошем отцовстве, апеллируя к распространенным моделям отца как полоролевого примера и родителя, вовлеченного в совместную (желательно, развивающую), активность. При этом, на практике они оказываются вовлеченными в намного

больший спектр забот. Двое информантов через какое-то время после развода даже забрали детей к себе, полностью содержали их, принимали решения по важным вопросам и занимались повседневной заботой при минимальном участии супруги.

В другом случае, мужчины выстраивали свой нарратив, подчеркивая свою вовлеченность в заботу и активно конструируя, таким образом, образ «хорошего отца». Для них отцовство оказывалось ключевым компонентом идентичности:

«Ну, жизнь была так построена. Ну, вот мне смешно, смешно сейчас вот вспомнить, а я, когда с тестем со своим вторым знакомился, он меня спрашивает: «А у тебя какое вообще хобби-то? Есть у тебя какое-нибудь хобби?» Я говорю: слушайте, знаете, что? У меня единственное хобби — это мои дети сейчас. Да, вот, я сейчас занимаюсь своими детьми. Если у меня есть свободное время, я его трачу на детей, которым мне нужно, там, подъехать, позвонить, там перевести, там встретиться» (Юрий №3)

Для этих мужчин отцовство рассматривалось не только как практическая необходимость и обязанность по заботе о детях, но в не меньшей степени, как важный ресурс для выстраивания маскулинности. Однако, вряд ли мы можем говорить о новой, альтернативной маскулинности, успешно сконструированной вокруг практик заботы о детях. Скорее, для этих мужчин отцовство стало одним из кирпичиков для выстраивания конвенциональной гегемонной маскулинности, «комплекта настоящего мужчины». Основываясь на интервью, мы можем предположить, что забота как один из ресурсов маскулинности срабатывает только в совокупности с другими ресурсами-признаками мужественности: только если мужчина оказывается успешен в таких «традиционных» сферах, как работа, спорт, социальные и сексуальные отношения, он позволяет себе открыто, и в некотором смысле, демонстративно, включаться в повседневную заботу о ребенке. Так, Федор не без гордости рассказывал, о том, как, еще будучи в браке, ездил на деловые встречи с партнерами по бизнесу вместе с младенцем, по дороге меняя ей памперсы и кормя из бутылочки. Юрий подчеркивал, что на момент развода у него был серьезный развивающийся бизнес, в отличие от загибающегося бизнеса супруги (хотя интервью с его супругой дало представление о ситуации в другом свете, что еще раз показывает, что часто подобные высказывания больше говорят о конструировании маскулинности, нежели о реальном положении дел). Игорь хвастался тем, что использует неформальные социальные связи, чтобы бесплатно устроить сына в разные кружки. Федор и Игорь также тренируют детей в клубах единоборств, занятия в которых посещают и их дети, что служит еще одним ресурсом для совместного времяпровождения.

Развод создает для некоторых мужчин непростую ситуацию, в которой им приходится переопределять свою маскулинность и выстраивать практи-

ки отцовства, не связанные с брачным статусом. Они испытывают трудности с оценкой выполнения отцовской роли, потому что их изначальная система координат помещала выполнение роли отца в контекст нуклеарной семьи:

«Я совершенно искренне считаю, что хороший отец вообще не должен разводиться. Если семья разводится — значит, уже плохо. На мой взгляд, отец, идеальный отец, все-таки тот, который живет вместе с детьми. Да, причем, идеальный отец — тот человек, который живет вместе с детьми в семье» (Юрий, №3)

Вероятно, для некоторых мужчин активное вовлечение в заботу о ребенке после развода, а также демонстрация своей вовлеченности становится способом восстановить маскулинность, уязвленную после развода. Некоторые мужчины становятся даже более вовлеченными отцами, чем были до развода:

« — Ты столько же много времени с сыном проводил и когда и в браке был?

— Эм, нет, тогда у меня было немного другое ощущение реальности. Как бы было ощущение такого тыла, обеспеченности, гнезда. И я больше времени уделял работе. Ну, то есть, что там все хорошо, значит, я могу успевать не одного мамонта, а двух, как бы, приходить попозже, уходить пораньше. (...) До трех лет я...ну, не то, что я не вмешивался. Естественно, эмоциональная привязанность, личный контакт — все это было, но мама — главное» (Иван, №18)

Конструирование образа «хорошего отца» и отсутствующие отцы: ресурсы для оправдания

Отцовство является важной частью маскулинности российского мужчины. Быть хорошим отцом, содержать своих детей — все это остается важным критерием для оценки себя как успешного мужчины. Тем не менее, несколько отцов признались, что (практически) не участвуют в заботе о ребенке ни в какой форме. При этом в оценках выполнения отцовской роли каждый из них назвал себя, пусть, не идеальным, но «нормальным», и даже «хорошим» отцом. Что позволяет мужчинам, независимо от реальных практик (не)вовлеченности, конструировать образ себя как хорошего отца? Откуда эти отцы черпают оправдания для неучастия в заботе о ребенке после развода?

Одной из стратегий конструирования образа «хорошего отца» для разведенных мужчин является апелляция к практикам, связанным с заботой о ребенке в новой семье. Требование материального обеспечения ребенка включено в требование материального обеспечения семьи, которое мужчины до сих пор отмечают как один из важнейших критериев успешной маскулинности и отцовства:

« — Что у нас общество ждет от «хорошего» отца?

— *хорошего отца...мм..во-первых, содержать семью. Мужик должен содержать семью. Он должен мочь. Содержать семью. Защищать свою семью»(№12)*

В тех случаях, когда бывшая супруга и ребенок уже не являются с точки зрения отца частью одной семьи, отцы могут декларировать, что обязанность материального обеспечения семьи является долгом мужчины, но на практике не выплачивать алименты на ребенка. В таких случаях мужчины не всегда оценивают себя как «плохого отца», так как часто успешное выполнение материального долга по отношению к новой семье «реабilitирует» отца. Смешение опытов различного отцовства влияет и на оценку отцами нематериальной вовлеченности в заботу о ребенке.

Еще одной стратегией оправдания невовлеченности в заботу оказалась апелляция к квази-биологическим причинам. Выборочно используя биологические и психологические концепции, мужчины предлагают посмотреть на развитие и воспитание ребенка родителями как деятельность, управляемую биологическими закономерностями. В такой картине мира отказ мужчин от контакта со своими детьми утверждался как безусловное благо для ребенка, а сами они представляли как отцы, заботящиеся о дальнейшем благополучии своих детей:

«После развода, я считаю, что я мог бы быть включен больше. Но здесь меня сдерживало успокоение, что там есть семья и есть папа (отчим). И я как-то боялся непонимания, что тут второй папа постоянно, второй мужик отвечает. Это большая трагедия, когда ребенок осознал отца, когда его импринтинг сработал уже на кого-то. И потом он исчезает, и появляется кто-то другой, или никто» (Дмитрий, №8)

Заключение

Вследствие существования в культуре различных социальных ожиданий в отношении того, что должен делать отец для своих детей, выраженных в разных моделях отцовства, разведенные отцы имеют возможность конструировать свою идентичность «хорошего отца», гибко акцентируя внимание на тех критериях выполнения отцовской роли, которые позволяют положительно оценить реализуемые ими практики заботы, или легитимировать их неучастие в заботе о ребенке после развода.

Информанты реализовывали три модели отцовства после развода: «отсутствующий отец», «воскресный папа» и «вовлеченный отец». В рамках каждой модели мужчины по-разному конструировали себя как хороших отцов. «Воскресные папы» ориентировались на образ хорошего отца как примера для подражания и полоролевой модели. Реализация «маскулинного» типа заботы — активного времяпровождения с детьми в публичной сфе-

ре, — позволяло им оставаться ситуативно вовлеченным в заботу о ребенке и одновременно оценивать себя как хорошего отца. Для других отцов реализация модели «вовлеченного отца» становилась одним из средств поддержания маскулинности после развода. «Отсутствующие отцы», в свою очередь, реабилитировали себя как хорошего отца, ссылаясь на отношения с детьми в новом браке, а также используя квази-биологическую аргументацию для поддержки позиции отстранения как особого рода заботы о ребенке.

Литература

Авдеева А.В. (2012) «Вовлеченное отцовство» в современной России: стратегия участия в уходе за детьми. *Социологические исследования*, 11: 95–104.

Ангелова Е., Темкина А. (2009) Отец, участвующий в родах: гендерное партнерство или ситуативный контроль? Здравомыслова Е., Роткирх А., Темкина А. (ред.) *Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности: Коллектив. моногр.* СПб.: Издательство ЕУСПб: 473–507.

Безрукова О.Н. (2007) Готовность к отцовству: факторы, условия и предпосылки. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения*, 2(1): 98–109.

Безрукова О.Н. (2012) Практики ответственного отцовства: «Папа-школа» и социальный капитал. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Социология*, 3: 266–275.

Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. (2007) Советский этакратический гендерный порядок. Здравомыслова Е., Темкина А. (ред.) *Российский гендерный порядок: социологический подход: Коллектив. моногр.* СПб.: Издательство ЕУСПб: 96–137.

Ржаницына Л.С. (2010) Алименты на детей как элемент гражданской ответственности. *Социологические исследования*, 7: С. 56–65.

Чернова Ж. (2007) Модель «советского» отцовства: дискурсивные предписания. Здравомыслова Е., Темкина А. (ред.) *Российский гендерный порядок: социологический подход: Коллектив. моногр.* СПб.: Издательство ЕУСПб: 136–168.

Чернова Ж.В. (2012) Семейная политика в западноевропейских странах: модели отцовства. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 15(1): 103–122.

Чернова Ж.В., Шпаковская Л.Л. (2013) Дискурсивные модели современного российского родительства. *Женщина в российском обществе*, 2 (67): 14–26.

Bailey S.J. (2007) Unraveling the meaning of family: Voices of divorced non-residential parents. *Marriage & Family Review*, 42(1): 81–102.

Bailey S.J., Zvonkovic A. M. (2003) Parenting after divorce: Nonresidential parents' perceptions of social and institutional support. *Journal of Divorce & Remarriage*, 39(3–4): 59–80.

Brandth B., Kvande E. (1998) Masculinity and child care: The reconstruction of fathering. *The sociological review*, 46(2): 293–313.

Braun A., Vincent C., Ball S.J. (2011) Working-class fathers and childcare: the economic and family contexts of fathering in the UK. *Community, Work & Family*, 14(1): 19–37.

Christiansen S.L., Palkovitz R. (2001) Why the “good provider” role still matters: Providing as a form of paternal involvement. *Journal of Family Issues*, 22(1): 84–106.

Craig L. (2006) Does father care mean fathers share? A comparison of how mothers and fathers in intact families spend time with children. *Gender & society*, 20(2): 259–281.

Davis S.N., Greenstein T.N. (2009) Gender ideology: Components, predictors, and consequences. *Annual Review of Sociology*, 35: 87–105.

De Luccie M.F. (1995) Mothers as gatekeepers: A model of maternal mediators of father involvement. *The Journal of Genetic Psychology*, 156(1): 115–131.

Fagan J., Barnett M. (2003) The relationship between maternal gatekeeping, paternal competence, mothers’ attitudes about the father role, and father involvement. *Journal of Family Issues*, 24(8): 1020–1043.

Jenkins J., Lyons K. (2006) Non-resident fathers’ leisure with their children. *Leisure Studies*. 25(2): 219–232.

Kukhterin S. (2000) Fathers and patriarchs in communist and post-communist Russia. *Gender, state and society in Soviet and post-Soviet Russia*, 85: 71–90.

Lamb M.E. (2000) The history of research on father involvement: An overview. *Marriage & Family Review*, 29(2–3): 23–42.

LaRossa R. (1988) Fatherhood and social change. *Family relations*, 37: 451–457.

Lipasova A. (2016) Fatherhood Models in the Middle Class of Contemporary Russia. *Russian Sociological Review*, 15(4): 202–214.

Rotkirch A., Temkina A., Zdravomyslova E. (2007) Who helps the degraded housewife? Comments on Vladimir Putin’s demographic speech. *European Journal of Women’s Studies*, 14(4): 349–357.

Stewart S.D. (1999) Disneyland dads, Disneyland moms? How nonresident parents spend time with absent children. *Journal of Family Issues*, 20(4): 539–556.

Townsend N. (2010) *Package deal: Marriage, work and fatherhood in men’s lives*. Temple University Press.

Utrata J. (2008) Keeping the bar low: Why Russia’s nonresident fathers accept narrow fatherhood ideals. *Journal of Marriage and Family*, 70(5): 1297–1310.

Wall G., Arnold S. (2007) How involved is involved fathering? An exploration of the contemporary culture of fatherhood. *Gender & Society*, 21(4): 508–527.

Williams S. (2008) What is fatherhood? Searching for the reflexive father. *Sociology*, 42(3): 487–502.

Wilson L. (1999) “Ye Heart of a Father”: Male Parenting in Colonial New England. *Journal of Family History*, 24(3): 255–274.

“I DON’T CONSIDER MYSELF A GOOD DAD, AT BEST, AN AVERAGE ONE”: HOW RUSSIAN MEN CONSTRUCT THE IMAGE OF A “GOOD FATHER” AFTER DIVORCE

*Ekaterina Ivanova**

European University at Saint Petersburg, St. Petersburg, Russia

Citation: Ivanova E.A. (2017) «Ya sebya ne odnoshu k khoroshim papam, v luchshem sluchaye, k normal’nym»: kak rossiyskiye muzhchiny konstruiruyut obraz «khoroshego ottsa» posle razvoda [“I don’t consider myself a good dad, at best, an average one”: How Russian men construct the image of a “Good father” after divorce]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 20(5): 132–150 (in Russian).

Abstract: This article presents the results of a research into divorced fathers in Saint Petersburg Russia. Gender ideology contextualized practices of fathering and models of fatherhood are both described within the paper. It points out that despite the emergence of the “involved father” model the majority of Russian fathers still accept a more traditional image of father as a moral guide and sex-role model. These ideals are expressed in the “masculine” type of care which focuses more on activities with the child rather than on everyday routine care. Fathers performing this model are less affected by divorce. Comparatively, fathers that are more involved feel vulnerable in the social context that considers the mother as primary caregiver. Becoming Involved in everyday care becomes a “recovery” resource to regain masculinity for some men piqued by divorce and loss of power in the family. “Absent” fathers in turn find resources for constructing an image of a “good father” in new families by performing better with their new children.

Keywords: divorce, fatherhood, masculinity

References

Angelova E., Temkina A. (2009) Otets, uchastvuyushchiy v rodakh: gendernoye partnerstvo ili situativnyy kontrol’? [The father who participates in childbirth: gender partnership or situational control?] In: Zdravomyslova E., Temkina A. (eds.) *Novyy byt v sovremennoy Rossii: gendernyye issledovaniya povsednevnosti: Kollektivnaya monografiya* [New Everyday Live in Russia: Gender Approach]. St. Petersburg: EUSP Press: 473–507 (in Russian).

Avdeeva A.V. (2012) “Vovlechennoye otsovstvo” v sovremennoy Rossii: strategii uchastiya v ukhode za det’mi [“Involved fatherhood” in present-day Russia: Childcare strategies]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies], 11: 95–104 (in Russian).

Bailey S.J. (2007) Unraveling the meaning of family: Voices of divorced nonresidential parents. *Marriage & Family Review*, 42(1): 81–102.

Bailey S.J., Zvonkovic A. M. (2003) Parenting after divorce: Nonresidential parents’ perceptions of social and institutional support. *Journal of Divorce & Remarriage*, 39(3–4): 59–80.

* E-mail: eivanova@eu.spb.ru

Bezrukova O.N. (2007) Gotovnost' k ottsovstvu: faktory, usloviya i predposylki [Ready to be a father: factors, conditions and assumptions]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Bulletin of the St. Petersburg University. Series 6. Political science. International relationships], 2(1): 98–109 (in Russian).

Bezrukova O.N. (2012) Praktiki otvetstvennogo ottsovstva: "Papa-shkola" i sotsial'nyy kapital [Practices of responsible fatherhood: "Daddy-school" and social capital]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Sotsiologiya* [Bulletin of St. Petersburg University. Series 12. Sociology], 3: 266–275 (in Russian).

Brandth B., Kvande E. (1998) Masculinity and child care: The reconstruction of fathering. *The sociological review*, 46(2): 293–313.

Braun A., Vincent C., Ball S.J. (2011) Working-class fathers and childcare: the economic and family contexts of fathering in the UK. *Community, Work & Family*, 14(1): 19–37.

Chernova Zh.V. (2007) Model' "sovetskogo" ottsovstva: diskursivnyye predpisaniya [The model of "Soviet" fatherhood: discursive prescriptions] In: Zdravomyslova E., Temkina A. (eds.) *Rossiyskiy gendernyy poryadok: sotsiologicheskii podkhod: Kollektivnaya monografiya* [Russian gender order: sociological approach: Collective monograph]. St. Petersburg: EUSP Press: 136–168 (in Russian).

Chernova Zh.V. (2012) Semeynaya politika v zapadnoyevropeyskikh stranakh: modeli ottsovstva [Family Policy in Western European Countries: models of fatherhood]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 15(1): 103–122 (in Russian).

Chernova Zh.V., Shpakovskaya L.L. (2013) Diskursivnyye modeli sovremennogo rossiyskogo roditel'stva [Discursive Models of Modern Russian Parenthood]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian Society], 2 (67): 14–26 (in Russian).

Christiansen S.L., Palkovitz R. (2001) Why the "good provider" role still matters: Providing as a form of paternal involvement. *Journal of Family Issues*, 22(1): 84–106.

Craig L. (2006) Does father care mean fathers share? A comparison of how mothers and fathers in intact families spend time with children. *Gender & society*, 20(2): 259–281.

Davis S.N., Greenstein T.N. (2009) Gender ideology: Components, predictors, and consequences. *Annual Review of Sociology*, 35: 87–105.

De Luccie M.F. (1995) Mothers as gatekeepers: A model of maternal mediators of father involvement. *The Journal of Genetic Psychology*, 156(1): 115–131.

Fagan J., Barnett M. (2003) The relationship between maternal gatekeeping, paternal competence, mothers' attitudes about the father role, and father involvement. *Journal of Family Issues*, 24(8): 1020–1043.

Jenkins J., Lyons K. (2006) Non-resident fathers' leisure with their children. *Leisure Studies*. 25(2): 219–232.

Kukhterin S. (2000) Fathers and patriarchs in communist and post-communist Russia. *Gender, state and society in Soviet and post-Soviet Russia*, 85: 71–90.

Lamb M.E. (2000) The history of research on father involvement: An overview. *Marriage & Family Review*, 29(2–3): 23–42.

LaRossa R. (1988) Fatherhood and social change. *Family relations*, 37: 451–457.

Lipaso A. (2016) Fatherhood Models in the Middle Class of Contemporary Russia. *Russian Sociological Review*, 15(4): 202–214.

Rotkirch A., Temkina A., Zdravomyslova E. (2007) Who helps the degraded housewife? Comments on Vladimir Putin's demographic speech. *European Journal of Women's Studies*, 14(4): 349–357.

Rzhanitsyna L.S. (2010) Alimenty na detey kak element grazhdanskoy otvetstvennosti [Alimonies for children as an element of civic responsibility]. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya* [Sociological Studies], 7: 56–65 (in Russian).

Stewart S.D. (1999) Disneyland dads, Disneyland moms? How nonresident parents spend time with absent children. *Journal of Family Issues*, 20(4): 539–556.

Townsend N. (2010) *Package deal: Marriage, work and fatherhood in men's lives*. Temple University Press.

Utrata J. (2008) Keeping the bar low: Why Russia's nonresident fathers accept narrow fatherhood ideals. *Journal of Marriage and Family*, 70(5): 1297–1310.

Wall G., Arnold S. (2007) How involved is involved fathering? An exploration of the contemporary culture of fatherhood. *Gender & Society*, 21(4): 508–527.

Williams S. (2008) What is fatherhood? Searching for the reflexive father. *Sociology*, 42(3): 487–502.

Wilson L. (1999) “Ye Heart of a Father”: Male Parenting in Colonial New England. *Journal of Family History*, 24(3): 255–274.

Zdravomyslova, E.A., Temkina A.A. (2007) Sovetskiy etakratcheskiy gendernyy poryadok [Soviet etacratic gender order]. In: Zdravomyslova E., Temkina A. (eds.) *Rossiyskiy gendernyy poryadok: sotsiologicheskiiy podkhod: Kollektivnaya monografiya* [Russian gender order: sociological approach: Collective monograph]. St. Petersburg: EUSP Press: 96–137 (in Russian).